

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Новое
Литературное
Обозрение

АЛЛА САЛЬНИКОВА

ИСТОРИЯ
ЕЛОЧНОЙ ИГРУШКИ,
ИЛИ
КАК НАРЯЖАЛИ
СОВЕТСКУЮ ЕЛКУ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА

2024

УДК 398.332.42(470+571)(091)

ББК 77.056

С16

Редактор серии Л. Оборин

Сальникова, А.

- С16 История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку / Алла Сальникова. — 3-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 240 с. (Серия «Культура повседневности»)

ISBN 978-5-4448-2171-8

Елочные игрушки таинственным образом превращают обычное дерево в волшебную сказку. Однако сказка эта всегда была тесно связана с жизнью, которая прочитывалась в елочной игрушке, как в открытой книге. В центре исследования доктора исторических наук Аллы Сальниковой находится советская елочная игрушка, хотя большое внимание уделено и ее предшественницам — игрушкам дореволюционным. Как наряжали советские елки? Как и из чего делали украшения? Как их использовала власть, и как относились к ним дети и взрослые? И что произошло с елочными игрушками после распада СССР?

УДК 398.332.42(470+571)(091)

ББК 77.056

В оформлении обложки использована работа И. Дмитриева «Дед Мороз» (2000 г; холст, масло)

© А. Сальникова, 2011, 2024

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2011

© И. Дмитриев, иллюстрация на обложке, 2011

© ООО «Новое литературное обозрение», 2011; 2012; 2024

*Моему сыну Аркадию,
сделавшему первые в своей жизни шаги
к наряженной новогодней елке...*

От автора

Мир вещей, окружающих человека в повседневной жизни, разнообразен и многолик. Среди них есть такие, без которых не прожить и дня. Есть и такие, к которым обращаются лишь изредка, например елочные игрушки. В самом деле, без них легко обойтись. Но скольких счастливых и радостных минут были бы лишены дети (да и взрослые), утратив возможность увидеть елку в ее великолепном убранстве! Как тускло, уныло и «раздето» выглядела бы она без своего новогоднего праздничного наряда!

Эта книга посвящена истории советской елочной игрушки, истории далеко не простой. Безусловно, возникла эта игрушка не на пустом месте. Она не была чем-то искусственно сконструированным, как иногда могло бы показаться на первый взгляд — ведь советская власть не просто жестко разграничила православное «буржуазно-дворянское» Рождество и советский «атеистический» Новый год вместе со всеми присущими им праздничными атрибутами, но и жестко противопоставила их друг другу. Однако изменившееся почти до неузнаваемости смысловое содержание, а зачастую и форма елочных украшений отнюдь не свидетельствовали о полном разрыве с традициями, и прежде всего с традицией их широкой востребованности в праздничном быту. Другое дело, что и в имперской России елочная игрушка довольно медленно и не всегда успешно пробивалась к массовому потребителю и промышленному производителю. Потребление ее было действительно четко стратифицировано

На фронтисписе:

Малыш со снежным комом; папье-маше, роспись, слюда; 1950-е гг., Ленинград. Из коллекции Л. Блатт

На соседней странице:

Из коллекции Л. Блатт. 1. Богемская монтированная подвеска «цветок». 2. Медведь с мячом; картон; 1936–1966 гг. 3. Ребенок в пальто; папье-маше, вата, цветная папиросная бумага; 1920-е гг. 4. Корзинка с цветком; проволока, картон; завод «Москабель», 1940-е гг. 5. Дед Мороз; пластмасса, роспись; 1960-е гг. 6. Бегемот; дрезденская картонажная, фольгированная; 1890–1920-е гг. 7. Гриб в шляпе; прессованная вата, гуашь, роспись, картон; 1960-е гг. 8. Жираф; вата, роспись, слюда; 1950-е гг. 9. Музыкальный инструмент; стекло, ручная роспись; 1920-е гг.

и ограничено по социальному принципу, а производство, даже кустарное и полукустарное, развито слабо. Оно носило в основном подражательный характер и не вылилось в создание оригинальной эстетики российского елочного украшения.

После 1917 года елочные игрушки были то жестоко гонимы властью, то всячески ею поощряемы, то отчаянно критикуемы как «контрреволюционные пережитки», то широко пропагандируемы как элементы новой советской праздничной культуры. Но именно в советское время в СССР была создана оригинальная, самобытная елочная игрушка, составляющая немаловажную часть культурного наследия советской эпохи. В середине 60-х годов прошлого века в связи с переходом к массовому промышленному производству и окончательным «затверждением» советских праздничных практик эта самобытность и динамизм в развитии советских елочных украшений были фактически утрачены — их заменило массовое шаблонное тиражирование уже имевшихся образцов. Однако вне всяких сомнений, что даже и тогда елочная игрушка продолжала играть важную роль в обретении советской идентичности. Эта роль всегда расценивалась властью как едва ли не самая главная для елочной игрушки, а сами украшения широко использовались в политических, воспитательных и образовательных целях, причем как среди детей, так и среди взрослых.

Изменив или потеряв свою прежнюю идеологическую составляющую, советская елочная игрушка органично встроилась и в постсоветское культурное пространство, продолжая успешно существовать в новых условиях.

Есть множество способов, ракурсов и аспектов репрезентации вещи в культуре. Ее можно рассматривать как результат индивидуального или группового, коллективного (социального, профессионального, возрастного, гендерного, национального и пр.) производственного и потребительского опыта и как орудие властных практик. В системе материальных и ментальных ценностей эпохи она может быть представлена и описана как изделие и как товар, как предмет и как носитель информации, как порождение культуры и как ее явление. Особую сложность заключает в себе процесс понимания, транскрибирования и интерпретации «вещного» текста и перекодирования языка его оригинала. В данной работе елочная игрушка рассматривается и как объект, и как средство изучения советской праздничной повседневности. Такой подход позволил охарактеризовать ее по возможности целостно и не односторонне, хотя, конечно же, далеко не с исчерпывающей полнотой. Представляется возможным также применение к елочной игрушке предлагаемого сегодня некоторыми исследователями метода «культурной биографии вещей» (по аналогии с антропологически ориентированной биографистикой)¹, но не в узком смысле, как только биографии товара, а в гораздо более широком, как истории

бытования вещи в культуре, как источника по истории жизни общества². Все это позволяет вписать изучение елочной игрушки в контекст четко обозначившегося в последнее время «материального» познавательного поворота в гуманитаристике и показать, как «консюмеризм, семиотика и рост культурных исследований» могут обеспечить новые подходы³ в изучении прошлого. Ведь вещи особо ценны тем, что с ними совсем по-иному «прочитывается» повседневность: они хранят в себе осколки чужих вкусов, мечтаний, настроений, желаний и просто самой жизни.

При написании книги был использован диахронный метод изложения материала. История советской елочной игрушки рассматривалась во временном континууме с учетом тех изменений, которые происходили с ней на протяжении более чем семи десятилетий ее бытования в советской, а затем и в постсоветской культуре. Особое внимание было уделено периоду второй половины 1930-х — начала 1960-х годов как времени превращения елочной игрушки в СССР в массовую производственную и художественную продукцию, времени формирования и утверждения советского елочного «игрушечного» канона, способствовавшего распространению и усвоению новых политико-культурных поведенческих и ментальных стереотипов. Стремлением проследить историко-культурную преемственность, наличие которой никак нельзя отрицать, было вызвано появление специальных разделов книги, посвященных роли и месту елочной игрушки в дореволюционной российской праздничной традиции и в современных культурных практиках и культурной памяти представителей различных поколений российских граждан.

Хотя в потреблении елочной игрушки в СССР царила известная унификация и столичный диктат здесь был очень силен, приобщение к ней в провинции, особенно провинции «национальной», имело свою специфику, обусловленную как особенностями регионального менталитета, культуры, традиций, так и наличием соответствующих сил и возможностей для следования столичной моде или для собственных экспериментов в этой области. Едва ли правильно говорить о том, что для местных елочных украшений была характерна какая-то особая инациональная окрашенность, но культурно-бытовые практики их потребления, безусловно, разительно отличались от столичных. На материалах Архангельска, Казани, Оренбурга и ряда других городов России в книге приведены примеры такого особого, провинциального способа бытования елочной игрушки. Это дало возможность определить и сопоставить общие тенденции в «жизни» елочной игрушки в пределах всего советского пространства с некоторыми местными, региональными особенностями ее производства и потребления.

Основными источниками исследования явились прежде всего сами елочные игрушки, отложившиеся на хранение в музеях, сохранившиеся в

частных коллекциях, выставляемые на продажу в магазинах и антикварных салонах, украшающие ныне домашние и общественные елки, и их изображения из различных каталогов, картины, рисунки, фотографии, запечатлевающие новогодний праздник с его главным атрибутом — елкой и ее украшениями. Хотелось бы особо поблагодарить казанского коллекционера Л.В. Блат — владелицу одной из крупнейших в России коллекций елочных украшений — за предоставленную возможность использовать их изображения для оформления книги.

Наряду с визуальными широко использовались и вербальные документы официального и личного происхождения, в которых нашли отражение процессы утверждения елочной игрушки в советском культурном пространстве. Особое место в книге заняли источники устной истории — собранные автором

Вверху:

Советские новогодние открытки разных лет

воспоминания, интервью и эссе (более 130)⁴, которые позволили ликвидировать ряд пробелов в имеющейся информации по истории елочной игрушки в России в советское и постсоветское время. Хотя не все эти документы прямо цитируются в тексте в силу повторяемости и однотипности содержащихся в них сведений, именно эта повторяемость и придает данному комплексу источников особую ценность, поскольку, собранные вместе, они успешно воссоздают целостный образ советской/постсоветской елки и украшавшей ее елочной игрушки, а главное — позволяют выявить специфику их рецепции в массовом сознании эпохи. Наконец, невозможность абстрагироваться от собственных впечатлений, безусловно, усилила субъективность исследования, но вместе с тем сделала его более живым и «одушевленным». Именно этим и обусловлены лирические отступления мемуарного характера, приводимые в тексте книги.

Анализ имеющихся публикаций показал, что тема елочной игрушки (точнее говоря, рождественских украшений) довольно популярна в зарубежной исследовательской традиции, но до недавнего времени была практически обойдена отечественной исследовательской литературой. Это, с одной стороны, существенно облегчало задачу автора, а с другой — делало ее еще более сложной. Большую помощь при написании данной работы оказала прекрасная книга Е.В. Душечкиной⁵, посвященная истории и мифологии рождественской елки в России и содержащая ряд интересных наблюдений об игрушках и украшениях «русской» елки, а также популярная, но ничуть не потерявшая от этого книга Т.В. Зелениной «Елка моего детства», повествующая об истории рождественской/новогодней елки в Архангельске⁶. Хотелось бы также привлечь внимание читателя к специальной главе, посвященной образу елочной игрушки в русской и советской детской литературе, включенной в монографию М.С. Костюхиной⁷.

Отдельные факты, приведенные в книге, вероятно, общеизвестны и, может быть, даже банальны, но без их изложения невозможно было дать целостное освещение истории советской елочной игрушки. Особое внимание было обращено на ее функциональные и гуманитарно-социальные характеристики, а также на методы ее источниковедческой и историко-культурной интерпретации. Технологическая составляющая была затронута лишь вскользь, поскольку автор не считает себя достаточно компетентным специалистом в этой области.

Такая незначительная, казалось бы, вещь — елочная игрушка. Но в ней как в зеркале отразилась история огромной страны, история ее народа, ее граждан — больших и маленьких. Эту историю не всегда просто прочитать, но, прочитанная, она предстает во всем своем ярком многоцветье, таком же ярком, как и один из ее носителей и хранителей — простая елочная игрушка.